

Е. В. БАРСОВ

Мнение В. О. Ключевского о Максиме Горьком

Однажды во время моей беседы с В. О. Ключевским о современных литераторах я спросил его:

— А как вы смотрите, Василий Осипович, на Максима Горького, и чем вы объясняете успех его произведений?

— Горький, — отвечал он, — это пропаганда, а пропаганда — не литература. Горький пришелся по плечу обществу, которое теперь особенно умножается. Это — люди, борющиеся за свое существование, много читающие и работающие над собою этим путем больше, чем учащаяся молодежь, но в них нет никакой устойчивости: они непрерывно хромают на оба колена и влаются ветром модных учений. Этому слою низменных людей с напряженными потугами на знание и мнящих себя интеллигентами совершенно по плечу творения своего собрата — Горького; в их неразвитых и небрежных вкусах блещут талантом и такие его произведения, как снохачество «На плотях» и «Дно» всяких мерзостей, с подкладками нищестества, политиканства и т. п. Если просвещенная публика бросилась видеть это «Дно», то, увидев, никогда больше не пожелает его видеть и в большинстве с омерзением отвернется от него. У Горького вовсе не талант, а одно пылкое воображение.

— Однако, Василий Осипович, Горький известен и за границей, и там его хвалят, — возразил я.

— Если его славят за границей, — отвечал он, — то ведь и там есть отбросы общества, имеющие свои газеты, кои видят в Горьком свои вкусы и кричат о нем.

— Но не даром же, — говорю, — наша Академия наук хотела возвести Горького в «академики российской словесности».

— Если бы Академия это сделала, — продолжал Василий Осипович, — то в глазах просвещенного общества «по Сеньке была бы

и шапка». Академия сама спустилась бы на «Дно» Горького, и здесь, среди оборванцев, с течением времени, явился бы и герой в академическом мундире с проповедью физической силы против морали, социализма против собственности и государственности. Конечно, тогда ликовали бы и рукоплескали герои и любители «Дна», вознося превыше небес российскую Академию наук; но что сказала бы о ней история русского просвещения? Мрачно и уныло отметила бы она на своих страницах это несуразное явление: отсутствие элементарного этического чувства у академиков нашей эпохи и преклонение пред бойким пером в ущерб науке и действительного таланта.

— Жестоко ваше слово, Василий Осипович, — заметил я, — а ведь, говорят, Горький достал ваши лекции и выучил их наизусть.

— Ну, что ж, — отвечал он, — жаль напрасного труда. Не в коня корм — изучение моих лекций. Горький и после этого остался тем же Горьким, то есть пропагандистом, а не литератором.

Записано 25 сент. 1907 года.

